

ГЛАВА 1

Вдохи и выдохи были короткими и быстрыми. Тело женщины вздрогнуло во сне, будто инстинктивно почувствовало, что в спальне кто-то есть. Мужчина, наблюдавший за ней, сделал осторожный шаг назад, в темный угол. В комнате слабо пахло ванилью. Он помнил этот запах. Ее аромат. Часть ее образа. Запах детства. Если бы так пахло от женщины постарше, то это было бы не очень приятно, а в худшем случае запах ванили мог бы даже вызвать приступ мигрени. Но не аромат, исходивший от этой молодой женщины, спящей в своей кровати.

Он снова подошел ближе и встал рядом. Она выглядела неестественно: длинные светлые волосы уложены на подушке так аккуратно, будто она сделала это нарочно, чтобы утром не надо было их распутывать. Об этом ей уже не нужно будет беспокоиться, мелькнула у него мысль. Руки были вытянуты вдоль тела, как у куклы. Будто замерший кадр фильма. Беззвучный и полный покоя. Вся эта аура невинности была иллюзией. Теперь он это знал точно. Совсем недавно она проявила свою подлинную, расчетливую суть и разрушила все то, что было ими создано. Создано вместе. Стала настолько же холодной и жесткой, насколько раньше она была любящей и располагавшей к себе. Все обещания были нарушены. Договоренности больше ничего не значили. Унизительный сарказм стал обычным и заменил ту нежность, которая существовала раньше. А когда она еще и вываляла его чувства в грязи и при этом посмеялась у него за спиной, она совер-

шила непоправимую ошибку. Недоценила его. Думала, что он прогнется и будет ползать перед ней даже после того, как разоблачились ее предательство и мелочная жадность.

Злость снова волной поднялась в груди, и он заставил себя сделать глубокий вдох. Не надо позволять гневу управлять собой. Нужно сосредоточиться на той операции, которая ему предстояла. Он расслабился, отметив, что опять в состоянии контролировать свои чувства. Она лежала перед ним и казалась совершенством. Неиспорченной. Такой, какой она ему показалась, когда он увидел ее впервые.

Теперь же, похоже, она торопилась, когда вернулась ночью домой. Платье, кофта и лифчик валялись на полу. Он ведь ждал, прячась в машине напротив входа в ее дом на улице Хегалидсгатан. Когда она вернулась домой, с ней никого не было. Зная ее легкомысленность, он не мог быть заранее в этом уверен. Он посмотрел на ее лицо. По крайней мере, она уделила время умыванию и смыла косметику. Осталась лишь тонкая черная полоска туши у левого глаза. А в остальном кожа была разглажена сном, никаких морщинок. Такой она и должна остаться как в его памяти, так и для всего мира.

Кроме аромата ванили, витавшего в комнате, он чувствовал слабый намек на запах спиртного, чего-то сладковатого, может быть, лакрицы. Самбука? Да, именно такой она и была, подумал он. Любила такие напитки: сладкие, крепкие и с быстрым эффектом. Может быть, она где-то праздновала свою будущую экономическую прибыль? В таком случае она явно поторопилась.

Он безрадостно улыбнулся самому себе. Она любила по праздновать и не раз позволяла приглашать себя на шикарные ужины в выбранных им ресторанах. «Принц», «Гранд Отель» и «Гондола». Несколько раз он угощал ее дорогим шампанским у нее дома. После этого ей хотелось пойти потанцевать, но он не соглашался. Он никогда не любил места, где танцуют, а ночные клубы — и того меньше. Эта вечная, затянутая прелюдия. Пустая трата времени. И денег тоже, без сомне-

ний. Тогда уж лучше их договоренность, и лучше для обоих — и честнее, поскольку деньги шли именно на то, для чего они и были предназначены. Это тоже было не бесплатно, но давало хотя бы шанс легче контролировать расходы.

Он вздрогнул, когда женщина глубоко вздохнула. Осторожно отойдя на пару шагов, он слушал, как она несколько секунд дышала прерывисто, а потом, кажется, успокоилась и поудобнее устроилась на подушке. На какое-то мгновение ему показалось, что она проснулась и смотрит на него сквозь полуприкрытые веки, но потом она коротко всхрипнула, и он вздохнул с облегчением.

Он потянул, поправляя, хирургические перчатки. Почувствовал, как вспотели в них ладони. То, как выглядела комната, ему было только на руку. Когда она в первый раз решила ему прийти к ней домой, он был удивлен интерьером. Вернее, отсутствием интерьера. Спальня выглядела совершенно голой, в ней не было никаких личных безделушек. Не было ничего, что мешало бы или что пришлось бы вытирать после того, как он сделает свое дело. Комната идеально подходила для тех целей, для которых она использовалась. И не только с ее точки зрения, но и с его, как теперь выясняется. И все же она была молодой женщиной, что стало абсолютно очевидно, когда он в какой-то раз случайно открыл дверь в ее личную спальню. Контраст был потрясающим. Эта комната была настолько завалена всяческими вещами и разной ерундой, что в нее почти невозможно было войти. Но сегодняшней ночью она по какой-то причине уснула не в своей комнате, а вырубилась в спальне, предназначенной исключительно для работы. Это очень облегчало ему дело.

Он осторожно двинулся в сторону кровати, беззвучно прошел своими грубыми башмаками по ковровину и взял одну из подушек. Ее мышцы напряглись, когда он прижал подушку к ее лицу. Ноги судорожно задергались.

Он представлял себе клинически чистую операцию, при которой она должна была умереть во сне через пару минут.

Нехватка кислорода должна была практически сразу заставить мышцы расслабиться, и тогда она уснула бы навеки, став неподвижной. Вместо этого, когда ей стало не хватать воздуха, в действие вступил инстинкт самосохранения.

Так не должно было быть, подумал он, когда она вцепилась в его руку ниже локтя, а ногти врезались в его кожу. Она ударила его коленом в бок, да так, что у него перехватило дыхание. Но он быстро оправился, вывернулся в постели и сел на нее верхом. Он крепко прижимал подушку к ее лицу и пытался увернуться от ее отчаянных попыток бить его коленями по почкам.

Быстрый взгляд на часы. Пятьдесят секунд. Почти минута, а она еще не проявляет никаких признаков усталости. Страх и выброс адреналина заставляют ее бороться за жизнь. Надо было сначала усыпить ее каким-нибудь средством для наркоза и тогда уж спокойно задушить. Он не привык терять контроль над ситуацией. Наоборот. Он удерживал равновесие, прижимая коленями ее руки, а свободной от подушки рукой, сжав ее в кулак, ударил ее прямо в живот. Удар вроде бы дал нужный эффект. Ее толчки ногами стали слабее и прекратились совсем. Руки, на которые он наступил, расслабились.

Он ждал. Тело было совершенно неподвижным. Мягким и безжизненным, как тряпичная кукла. Три минуты. Четыре минуты. Вряд ли она может притворяться в таком положении. Но он не хотел рисковать.

Пять минут. Он поднял подушку. Ее вытаращенные глаза смотрели на него, и он увидел тонкую сеточку лопнувших капилляров в уголке глаза. Он сполз с нее и встал рядом с кроватью. Ее грудная клетка не колебалась. Он приложил пальцы к ее шее, не обнаружил пульса, вытащил влажную салфетку и осторожно вытер остатки туши у глаза. Потом красиво разложил ее волосы на подушке, как было раньше, и полез в карман. Разложил клеенку под ее ладонью и вытащил бутылку с гипохлоритом натрия. Осторожно зубочисткой почистил

ей под ногтями, потом смочил дезинфицирующим раствором щеточку для ногтей и прошелся еще раз по пальцам. Медленными, почти бережными, круговыми движениями он продолжал обтирать ее голое тело. От испарений хлора у него начало щипать в глазах. Время, когда вся она излучала жизнь, осталось давно позади.

Он посмотрел на нее. Глаза стали неприятно большими и остекленевшими, как будто они сделаны из эмали. Он желал бы ей другого конца, если бы это было возможно. Но все было слишком поздно с самого начала. Она сделала выбор за обоих без его ведома. У него больше не оставалось никаких возможностей выбора.

Он оставил ее и вышел в кухню. В раковине стояли две чашки из-под чая. Он сел на деревянный стул, с которого соскоблили краску, а когда-то он был голубым и стоял на какой-нибудь крестьянской кухне. То ли достался по наследству, то ли куплен на блошином рынке. Он сидел на нем и раньше, но уже тогда задавал себе вопрос, насколько этот стул типичен для вкуса молодой женщины, обставляющей свою квартиру. Он барабанил пальцами по столу. Сначала жестко и решительно, почти в стиле военного марша. Потом сменил такт. Он сам не узнал вначале эту мелодию галопа, которая возникла как будто из никуда. А потом улыбнулся, вспомнив. Это была заставка к сериалу «Братья Картрайт». Откуда она взялась, эта мелодия? Повтор этого вестерна по ТВ он видел, наверное, десятки лет назад. Какими-то неизведанными путями эти звуки решили появиться из извилин его памяти именно сейчас. Быть может, как изящная метафора того, что справедливость восторжествовала? Он продолжал барабанить по столу, звук отскакивал от стены к стене, а сам он смотрел на дверь спальни. Ждал.

Он вернулся в спальню и осторожно приподнял тело, посадил и закрепил его в сидячем положении. На него тарачились большие испуганные безжизненные глаза, глаза куклы.

Только теперь начиналась настоящая работа.

ГЛАВА 2

Мобильник, лежавший рядом на камне, вдруг начал вибрировать и издавать бесчувственные цифровые звуки, которые эффективно положили конец приятному весеннему утру. Ничего особенного. Звонки по мобильнику, как правило, всегда раздаются в самое неподходящее время. А с другой стороны, «подходящих моментов» осталось в этой жизни совсем мало, подумал комиссар уголовного розыска Рикард Стенландер, стоя коленями на только что вскопанной грядке у скромного зеленого домика. Домик, казалось, с трудом держался на довольно крутом склоне у озера Меларен в районе Седра Танто, где располагались старые дачные участки острова Седермальм в Стокгольме.

Сигнал мобильного звучал еще противнее из-за наложения на громкую музыку, доносившуюся из динамиков на террасе. Рикард считал, что маниакальный ритм американо-украинской цыганской панк-группы «Гоголь Борделло» добавляет утреннего покоя. Соседи по даче далеко не всегда с этим соглашались. Он отложил посевной картофель, встал, вытер грязные руки об траву и со вздохом уменьшил громкость на старом CD-плеере. Липкая глина застряла между пальцами и под ногтями, но он все-таки взял мобильник. Неуклюже попытался не запачкать экран.

Он ожидал, что звонит какой-то продавец чего-то, который не знает, что сегодня воскресенье, что это его первый выходной за бесчисленное количество недель, и поэтому удивился, увидев на дисплее имя Эрика. Инспектор уголовной полиции Эрик Свенссон не относился к числу тех, кто чувствует себя бодрым и активным по утрам. Это касалось любого утра недели, а особенно воскресного. Разве что за исключением дней дежурств. И сегодня как раз и был такой день. Тот факт, что он звонил своему начальнику, зная, что у того выходной, да еще и звонил в такую рань, означал, что произошло нечто важное.

Рикард несколько секунд колебался, прежде чем ответить на звонок, и смотрел на зеркальные воды залива Оштавикен.

У воды бежал ранний любитель утренних пробежек, парочка моторных лодок уже направлялась к шлюзу Хаммарбю. Волны за моторками создавали на воде причудливые узоры. День обещал стать одним из первых по-настоящему теплых весенних дней года. И хотя утренний воздух был прохладным, в нем уже слышалось жужжание сбитых с толку неожиданным теплом шмелей и пчел. Между дачными домиками лежал тяжелый аромат цветущей черемухи. От такой красоты, пожалуй, станешь религиозным, подумалось ему. Если бы реальность не мешала.

Мало кто из друзей и коллег Рикарда мог бы назвать его «романтиком, восторгающимся природой». Даже проявляющим умеренный интерес к садоводству его вряд ли бы назвали. И этот интерес на самом деле появился у него совсем недавно. Да он особо об этом не распространялся. Правда — в очень завуалированной форме, — намекнул немногим ближайшим друзьям, где он иногда бывает в воскресные дни. И дело было вовсе не в том, что он считал себя обязанным поддерживать некий фасад крутого мачо-полицейского. И не в том, что вообще считал смешным интерес к растениям. Просто он понял, что о посадках и выращивании можно не говорить совсем. Это не то, о чем говорят. Это то, что люди делают. Это был такой вид труда, который требовал некоторого вложения сил, а потом все уже росло-подрастало как бы само по себе. Не нуждаясь ни в анализе, ни в гипотезах или дискуссиях.

Поверхностный наблюдатель мог бы сказать, что в посадке растений его привлекала именно удивительная простота. Простота, которая радикально отличалась от весьма сложных и запутанных процессов полицейских расследований. А тут можно было посадить что-нибудь, а дальше уже за дело принимались другие элементы: земля, вода и солнце. Взаимодействие казалось в высшей степени простым, но именно оно и было сложным фундаментом самой жизни. Рикарду, который повседневно сталкивался со смертью, было приятно осознавать, что при помощи несколь-

ких зернышек или картофеля он мог внести свою лепту в жизнь.

Еще один резкий звонок вынудил его вернуться в реальность. Он посмотрел на вскопанную землю у своих ног, на ожидавшие посадки финские картофелины сорта «Тимо» с лиловыми отростками. И понял, что пройдет немало времени, пока ему удастся закончить начатую работу.

— Алло, Рикард Стенландер, солнечным утром на склонах Танто.

— Это Эрик. Ты занят чем-то важным? — послышался настойчивый голос Эрика.

— Доброе утро. Я не занят абсолютно ничем важным, и в этом, собственно, и заключается суть идеи: копаться в земле на даче в воскресенье, именно чтобы не надо было делать ничего важного. Но именно сегодня я просто обязан закопать картофель в землю, чтобы у меня был шанс угостить друзей молодой картошечкой к копченому угрю и селедке под стопочку крепкого в Мидсоммар¹. А уж стопочка, и тут наши мнения наверняка совпадают, дело важное, — ответил Рикард, зная, что «свободное время» или «выходные» в представлении Эрика были смесью тусовок с друзьями, встреч с девушками и тренировок в тренажерном зале.

— Хорошо, — ответил Эрик с явным нетерпением в голосе. — Мне нужна помощь в одном деле. Ты должен на это посмотреть. — Он заколебался, но продолжил: — Похоже на какую-то инсталляцию. В квартире на улице Хегалидсгатан.

Рикард слышал по голосу Эрика, что дело серьезное.

— Это рядом с баром «Эспрессо»?

— Точно. По соседству с магазином «Делло Спорт». Ты можешь там быть уже через пять минут.

¹ Мидсоммар – праздник Середины лета, один из самых любимых шведских праздников. Приходится на дни до или после летнего солнцестояния с самым длинным днем в году (*прим. пер.*).

Он глубоко вздохнул.

— Окей, считай, что я уже в пути.

Ощущение покоя, которым он только что наслаждался, исчезло. В то же время он знал, что Эрик не стал бы звонить, если бы дело не было действительно серьезным. Значит, это нечто выходящее за рамки привычной гадости, с которой им приходится сталкиваться.

Он пошел к зеленому домику, построенному когда-то его отцом. Там была даже ниша с кроватью, что противоречило уставу садово-огородного кооператива, запрещавшего ночевать на дачах. Он подкрутил громкость, чтобы услышать хотя бы последнюю песню диска, а потом спрятал проигрыватель под кухонный стол, чтобы его не видно было в окно. Он глянул в зеркало, которое висело над раковиной и умывальником на внешней стене дома. По сравнению с музыкой, которую он только что дослушал, сам себе он не казался оригинальным.

Не слишком короткие русые волосы, которые он подстригал сам. Старые джинсы, застиранная рубашка и вконец растоптанные кеды. Ни тебе ретро-панк, ни седермальмский винтаж. Просто скучная одежда. Хотя он ведь и не планировал ничего, кроме свободного дня в саду. Вообще, и в других случаях его стиль одежды никак нельзя было назвать продуманным.

Если бы кто-нибудь проходил за забором его огорода, то мог бы удивиться этой странной картине. Мужчина средних лет, он же комиссар уголовной полиции, стоит между только что посаженной картошкой и посеянной морковкой и слушает совершенно непонятную музыку, смесь панка и клезмера¹. Такая картина, скорее всего, не совпадает с представлениями о том, как должен вести себя настоящий владелец дачи. Не исключено, что и в уставе кооператива прописаны парагра-

¹ Клезмер — народная музыка восточноевропейских евреев. Песни часто исполняются на идише, английском, русском, украинском, французском и цыганском языках (*прим. пер.*).

фы о запрете громкой музыки, подумал Рикард. Но он не соби­рался это проверять. Да, его музыкальный вкус, а в осо­бенности его фанатический интерес к старому панку, явно выделял его на фоне «среднестатистического» показателя, отличая от большинства. Во всех остальных отношениях, по его собственному мнению, он чаще всего был обыденно-ба­нальным, «средним».

Он уже давно перерос того буйного и восстающего против порядков подростка, каким когда-то был. Что-то в его харак­тере поизносилось, что-то отполировалось. Он не тосковал о себе молодом и особо на эту тему не раздумывал. Все это было в другое время. То время было и прошло. Ему нравилось жить так, как живет «средний Свенссон». Нравилась его рабо­та. Правда, все то ужасное, с чем он сталкивался в силу про­фессии, ему стало тяжелее переносить после рождения сына пять лет назад. Но существование сына, его Эльвина, было тем, что его держало. Тем, что дарило ему счастье и радость в повседневности. Хотя, конечно, ему хотелось бы встречать­ся с сыном чаще, а не только по выходным два раза в месяц.

Его вполне устраивал и его закончившийся брак с Мариан­ной. Только после развода он понял, что именно было не так. То, что было очевидно кому угодно. Сверхурочные. Работа по выходным и праздничным дням. Экстренные вызовы. На нем лежала вся ответственность за расследования. Никого другого не было, на кого можно было бы свалить вину, если что-то пошло не так. Однако тот факт, что его ценили на работе, был слабым утешением в семье. Семья оказалась на последнем ме­сте в списке приоритетов. И не один раз, а много. Он пытался это как-то компенсировать. Проводил время с сыном. И не просто так. Это их совместное время было действительно «качественным», по определению психологов. Он готовил ужины. Думал, что они с Марианной были равноправны, по крайней мере, в кухне. После развода он понял, что она это воспринимала не так — и она была права. Именно она всегда прикрывала тылы, готовила паста-салаты и бутерброды, когда

сын отправлялся в походы со школой, быстрые ужины в будни с мясными тефтелями или спагетти, да и все остальное, когда не было времени на то, чтобы готовить что-то вдохновляющее, креативное или шикарное. А сам он готовил, когда был свободен. И тогда это были колоссальные, экзотические проекты: варка по несколько часов, рыба, маринованная в соке лайма, или молодая картошка, сваренная с морской солью, как это делают на Канарских островах. Все было продумано, к блюду подавалось нужное вино или пиво сезона. Эти роскошные обеды были, естественно, весьма популярны среди друзей, но, как Рикард понял намного позже, способствовали углублению трещины между ним и женой. Эти приемы устраивались ради удовлетворения его собственного эго, а не ради равноправия. Этот контраст между буднями и теми редкими случаями, когда он был дома, стал слишком велик.

Он закрыл дачу, положил металлическую пластину на дверь и навесил большой амбарный замок. Вообще-то солнечное воскресное утро в мае месяце — самое, наверное, неудачное время для кражи, да и все соседи тут и заняты посадками. Но домушники-наркоманы, залезающие в чужие квартиры и дачи района, вряд ли задумываются о стратегии или тактике совершения краж.

Рикард спустился по тропинке почти к самой воде и пересек широкий газон. Пока что на траве успели расположиться в основном семьи с детьми. Но если погода продержится, то скоро сотни людей — чаще всего молодежь — будут осаждать эти травянистые склоны с пластиковыми пакетами из «Сюстембулагет»¹, наполненными банками теплого пива «Норрландс Гульд» и сидра «Коппарберг». Уже сейчас ему была видна группа скинхедов, оккупировавших один из

¹ Systembolaget — магазины государственной алкогольной монополии. Винно-водочные товары и крепкое пиво в Швеции продаются только в этих магазинах, которые открыты по будням с 10:00 до 19:00, закрыты по воскресным и праздничным дням, а по субботам открыты только 5 часов (*прим. пер.*).